

Большой лайнер слегка покачивается на волнах: море не совсем спокойно. Двое суток мы отстаивались от шторма, укрывшись за мысом Говен (увы, он ТАК называется...). Шторм утих, и вот мы – у восточного берега Камчатки, в устье реки Вывенки, прямо напротив деревни Вывенка, где нам предстоит изучать аляutorский язык.

Подойти к берегу теплоход не может: там для него слишком мелко, поэтому экспедицию — и людей, и грузы — придётся сначала переправить на пришедший за нами буксир. Буксир болтается где-то далеко внизу. Судовая стрела подхватывает верёвочную сеть, куда, отчаянно цепляясь за верёвки, влезает три-четыре человека с рюкзаками, пакетами, и ящиками, подымает её над бортом лайнера и начинает опускать, целясь на палубу буксира, каковая прыгает вверх и вниз. Крановщику буксира не видно; вахтенный матрос, свесившись через борт, лениво покрикивает: «Майна! Ещё майна! Вира, вира, вира!» Сетка бахается о палубу буксира, и в этот короткий миг надо соскочить самим и отцепить рюкзаки. Но всё проходит благополучно: все мы, наконец, на палубе буксира, и наши рюкзаки и ящики – с нами.

Буксир, пыхтя, отходит от борта лайнера, разворачиваясь, описывает полукруг и устремляется к берегу. Мы толпимся на его низкой палубе перед рубкой, вглядываясь в голые прибрежные сопки и неказистые домики Вывенки. Камчатка! Брызги летят в лицо; и хотя пасмурно и совсем не жарко, все чувствуют себя приподнято-возбужденно. Берег приближается ...

И вдруг — резкий толчок! Буксир сильно накреняется, и через него перекачивается огромная волна. (Как выяснилось, подвыпивший капитан не углядел отмель и на полном ходу налетел на неё.) До сих пор не понимаю, как никто не свалился в воду. Никакой ограды на низкой палубе буксира (чуть выше воды) не было. Я например, схватился за какую-то верёвку, но потом увидел, что она ни к чему не была прикреплена. А вода была ООООчень холодная... Впрочем, несколько рюкзаков таки упали в воду, и в том числе — оба моих. Кошмар и бедлам!

И вот тут-то и показал себя Капитан Кибринг. В один миг он организовал отлов тонущих рюкзаков и переброску личного состава экспедиции на оказавшееся рядом стоящее на якоре судёнышко, где была пылающая печурка и ... водка. Совершенно вымокших бедняг переодели в сухое; так как у меня сухого не было — мои рюкзаки успели поплавать и увлажниться, какие-то из наших девочек дали мне свои рубашечки, так что я

был совсем хорош в дамском белье. Но с водкой в желудках холод не чувствовался. Час, наверное, мы ждали, пока прилив снял наш буксир с мели. И тогда brave Кибрик не доверил наши жизни пьяному капитану буксира: он сам стал к штурвалу и отвёз нас на берег!!! Прошло более сорока лет с того дня, а мне кажется, что я входил в кирпичное здание вывенской школы — ну, не позавчера, а так, пару недель назад.

Весь месяц в Вывенке пролетел в увлекательнейшей работе. Для меня, лингвиста со стажем и опытом, в профессиональном плане это было необычайно важное событие: так много и за такое короткое время о Языке я ещё никогда не узнавал. Что ж сказать о юных студентах?

Саша Кибрик, практически единолично организовав систему и традицию лингвистических экспедиций в Московском университете, коренным образом изменил русскую лингвистику. С одной стороны, он подготовил целую плеяду первоклассных исследователей; с другой, он спас от забвения много языков, которые были описаны под его руководством и с его непосредственным участием. Саша соединял в себе прирожденного лингвиста-исследователя и первоклассного организатора научной работы (и экспедиционного быта!). Незаметно, но твёрдо он планировал, налаживал и проводил как занятия с информантами, так и обработку и обсуждение данных. Я до сих пор удивляюсь, как гладко и чётко прошёл наш месяц на Камчатке и как хороши были наши результаты; и при этом — всё делалось с радостью и удовольствием.